

Дмитриченко Анна Викторовна

студент магистратуры
Московский университет им. С.Ю. Витте
Москва, Россия

**ПРАВОВОЙ СТАТУС СУБЪЕКТОВ ОТНОШЕНИЙ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ
(БАНКРОТСТВА) ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ: ПРОБЛЕМЫ БАЛАНСА ИНТЕРЕСОВ¹****Аннотация**

Рассматривается правовое положение ключевых участников банкротных процедур применительно к хозяйственным обществам – общества-должника, конкурсных кредиторов и арбитражного управляющего. Анализируются противоречия Закона о банкротстве, касающиеся объёма дискреционных полномочий управляющего, а также вопросы соразмерности интересов сторон конкурсного процесса. Формулируются предложения по уточнению процессуального статуса отдельных участников и совершенствованию механизма привлечения арбитражного управляющего к ответственности.

Ключевые слова: несостоятельность, банкротство, баланс интересов

В современном гражданском обороте задачи института банкротства разноплановы по своей внутренней природе. Одновременно требуется обеспечить максимально возможное удовлетворение требований кредиторов, сохранить хозяйствующего субъекта там, где это экономически оправдано, и предотвратить злоупотребления со стороны лиц, контролирующих должника. Российское законодательство о несостоятельности – массив, развивавшийся неравномерно, с заметными колебаниями курса от продолжниковой ориентации к прокредиторской и обратно. Применительно к хозяйственным обществам этот баланс выглядит особенно хрупким, поскольку на одну чашу весов ложатся интересы участников и менеджмента, а на другую – требования широкого круга кредиторов, включая публично-правовых [7]. Конструкция субъектного состава банкротных отношений во многом определяет, кому в действительности принадлежит инициатива в каждой конкретной процедуре.

Согласно федеральному закону от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», к числу субъектов банкротного процесса относятся как лица, участвующие в деле, так и лица, участвующие в арбитражном процессе по делу [4]. Должник, кредиторы, арбитражный управляющий, уполномоченные органы, собрание и комитет кредиторов – каждая фигура наделена собственным набором правомочий, обязанностей и ограничений, причём объём этих правомочий зависит от стадии

¹ Научный руководитель: Аминов Илья Исакович, д-р. юрид. наук., профессор кафедры гражданского права и процесса, Московский университет им. С.Ю. Витте

процедуры. Сама по себе развёрнутая нормативная типология не снимает вопроса о реальном балансе процессуальных возможностей. А.В. Самигулина указывает на то, что нормативная конструкция статуса ряда участников страдает дефектом неопределённости, который проявляется при столкновении интересов конкурирующих групп кредиторов [6].

Между тем практика устроена иначе. Конкурсный процесс живёт не столько по букве закона, сколько по логике взаимодействия его участников. Линии напряжения между ними формируются собственной динамикой.

В качестве должника хозяйственное общество обладает специфическим набором характеристик. Будучи коммерческим юридическим лицом, оно отвечает по своим обязательствам всем принадлежащим ему имуществом (ст. 56 ГК РФ) [1], однако с момента введения первой процедуры банкротства полномочия его органов управления претерпевают существенные ограничения. Полномочия исполнительного органа сужаются ещё на стадии наблюдения; с переходом к внешнему управлению или конкурсному производству они переходят к арбитражному управляющему, что фактически означает временное отстранение участников общества от оперативного контроля над имущественной массой. Применительно к обществам с ограниченной ответственностью особую остроту приобретает вопрос об объёме информации, к которой сохраняют доступ участники, не обладающие правом на самостоятельное обращение в суд по большинству корпоративных вопросов. Иными словами, формальный статус юридического лица сохраняется, тогда как существо корпоративного контроля смещается.

Что касается кредиторов, то они образуют наиболее многочисленную и разнородную группу субъектов конкурсного производства. Их интересы пересекаются и часто противоречат друг другу: залоговые претендуют на преимущественное удовлетворение, текущие добиваются внеочередности, реестровые конкурируют между собой за пропорциональное распределение оставшейся конкурсной массы. По наблюдению А.В. Самигулиной, действующее регулирование не всегда позволяет обеспечить равенство процессуальных возможностей между крупными и мелкими реестровыми кредиторами, что особенно заметно при формировании повестки собраний кредиторов и определении кандидатуры арбитражного управляющего [7]. Существующие пороги голосования воспроизводят корпоративную логику, в которой большинство владельцев капитала диктует условия меньшинству, и эта аналогия сама

по себе вызывает вопросы применительно к процедуре, изначально направленной на защиту широкого круга лиц.

В этой системе фигура арбитражного управляющего занимает особое положение. Е.П. Ехлаков справедливо отмечает, что управляющий совмещает черты профессионального субъекта, государственно-уполномоченного представителя и доверенного лица сторон одновременно, что порождает фундаментальную двойственность его правового положения [5]. На него возложена обязанность действовать добросовестно и разумно в интересах должника, кредиторов и общества, причём само сочетание этих интересов часто оказывается внутренне противоречивым. Должник заинтересован в реабилитации, кредиторы стремятся к скорейшему удовлетворению, общество хотело бы видеть устойчивость оборота. Согласовать эти векторы в каждом конкретном случае удаётся далеко не всегда.

Внутри профессионального сообщества арбитражных управляющих заметна ощутимая неоднородность. Различия в опыте, в этической установке, в готовности нести репутационные риски сказываются на качестве проводимых процедур. Универсального стандарта, пригодного для всех случаев, по сей день не выработано.

К числу наиболее обсуждаемых проблем доктрины относится дискреция арбитражного управляющего. Объём усмотрения при оспаривании сделок должника, при выборе порядка реализации имущества, при принятии решений об отказе от исполнения договоров оказывается значительным, и контроль за этими решениями со стороны собрания кредиторов и арбитражного суда не всегда эффективен. Е.П. Ехлаков пишет об этом прямо, указывая на необходимость более жёстких процессуальных механизмов оценки обоснованности действий управляющего, особенно в крупных банкротствах с участием публичных кредиторов [5]. Закон о банкротстве содержит ряд формальных гарантий, среди которых возможность отстранения, обжалования действий, привлечения к гражданско-правовой ответственности; однако эффективность этих механизмов на практике подрывается длительностью соответствующих процедур и сложностью доказывания убытков.

Применительно к ответственности управляющего возникает отдельный набор вопросов. По общему правилу она строится на началах гражданско-правовой ответственности с обязательным условием страхования профессиональной деятельности и членства в саморегулируемой организации. Реальная же возможность взыскания убытков с управляющего часто упирается в недостаточность страховой

суммы и в ограниченность личной имущественной базы конкретного лица. А.В. Самигулина прямо пишет о том, что баланс между свободой профессиональной деятельности и эффективной защитой пострадавших от недобросовестных действий управляющего сторон требует дальнейшей нормативной донастройки [7]. Случаи, когда сумма реально взысканных с управляющего убытков оказывается несопоставимой с масштабом причинённого вреда, в практике перестали быть редкостью.

Если сопоставить хозяйственные общества разной организационно-правовой формы, в банкротстве они оказываются в неодинаковом положении. Акционерное общество, особенно публичное, сталкивается с информационной асимметрией внутри корпуса акционеров, поскольку миноритарии часто узнают о начале процедуры из открытых источников и не имеют реальной возможности повлиять на её ход. У общества с ограниченной ответственностью проблемы приобретают иной оттенок, ведь круг участников обычно уже, степень их вовлечённости в управление выше, отношения между ними нередко личные. Защита прав миноритарного участника ООО, чья доля размывается через механизмы дополнительной эмиссии или субсидиарной ответственности, требует процессуальных инструментов, отличных от инструментов, применимых в публичном АО.

В этой схеме за судом закрепляется роль скорее арбитра, чем активного субъекта. Его функция ограничена проверкой формальной стороны действий участников и разрешением конкретных споров, тогда как стратегическое направление процедуры определяют кредиторы и управляющий.

Если охватить взглядом всю описанную картину, дисбаланс процессуальных возможностей предстаёт не результатом отдельных недоработок, а следствием более глубокого вопроса о том, какую модель банкротства выбирает правопорядок и насколько эта модель совместима с реальными ожиданиями всех вовлечённых сторон. Разночтения в оценке полномочий арбитражного управляющего, асимметрия информации между крупными и мелкими кредиторами, особенности правового положения участников должника-общества требуют не разовых поправок, а системного пересмотра представлений о субъектном составе конкурсного процесса. Совершенствование Закона о банкротстве в части ответственности управляющего, расширение гарантий миноритарных кредиторов и уточнение порядка взаимодействия органов общества с арбитражным управляющим способны снять часть накопившихся

противоречий. Без переосмысления самой философии распределения процессуальных ролей нормотворческие усилия рискуют остаться точечными. Проверкой служат не доктринальные построения, а ход реальных дел, в которых эти балансы выстраиваются явочным порядком.

Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (ред. от 26.09.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 1.

3. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 7. Ст. 785.

4. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.

5. Ехлаков Е.П. Проблемы и перспективы правового регулирования деятельности арбитражного управляющего в рамках осуществления процедур банкротства // Право и политика. 2022. № 5. С. 41. DOI: 10.7256/2454-0706.2022.5.38162. EDN: ECKPRQ

6. Самигулина А.В. Защита прав и законных интересов кредиторов и должников при несостоятельности коммерческих организаций в Российской Федерации // Вестник арбитражной практики. 2024. № 2(111). С. 44–49. EDN: KZDXLP

7. Самигулина А.В. Проблемы правового регулирования статуса субъектов, участвующих в процедурах несостоятельности (банкротства) юридических лиц // Вестник арбитражной практики. 2023. № 1(104). С. 62–67. EDN: JQAKMW